

1001 ночь.

Сказка о Хасане басрийском

[Сказка о Хасане басрийском, ночи 778-786](#)

[Сказка о Хасане басрийском, ночи 787-795](#)

[Сказка о Хасане басрийском, ночи 796-804](#)

[Сказка о Хасане басрийском, ночи 805-813](#)

[Сказка о Хасане басрийском, ночи 814-822](#)

[Сказка о Хасане басрийском, ночи 823-831](#)

Восемьсот двадцать третья ночь

Когда же настала восемьсот двадцать третья ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда, увидав Хасана, дети его узнали и закричали: "Батюшка!", их мать заплакала, услышав, что они вспоминают своего отца, и воскликнула: "Нет хитрости против приговора Аллаха!"

А про себя она подумала: "О диво

Аллаха! Почему они сейчас вспоминают отца и зовут его?" И она заплакала и произнесла такие стихи:

"Опустели земли, светила пет восходящего!

О глаз, будь щедр и слез пролей потоки ты.

Они тронулись, и как терпеть мне после них?

Клянись, ни стойкости, ни сердца пет по мне.

О путники – а место их в душе моей!

Наступит ли, владыки, возвращение?

В чем будет вред, коль они вернуться и дружбы их

Я вновь добьюсь, и им жалко станет тоски и слез.

Тучи глаз они течь заставили в день отъезда их

Дивным образом, и огонь не гаснет внутри меня.

Я надеялась, что останутся, но противится

Пребыванье их, и разлукою унесло мечты,

Любимые, вернитесь к нам, молю я вас

Достаточно пролила я слез по вас уже".

И Хасан не мог вытерпеть и снял с головы колпак, и его жена увидела его и, узнав его, испустила вопль, который испугал всех, кто был во дворце, и спросила Хасана: "Как ты добрался сюда? С неба ты, что ли, спустился или из-под земли поднялся?" И ее глаза пролили слезы, и Хасан заплакал, и она сказала ему: "О человек, сейчас не время плакать и не время упрекать – исполнился приговор, и ослеп взор, и пробежал калам с тем, что судил Аллах в предвечном. Заклинаю тебя Аллахом, откуда ты пришел? Иди спрячься, чтобы никто тебя не видел и не узнала бы об этом моя сестра: она зарежет меня и зарежет тебя". – "О моя госпожа и госпожа всех царевен, – сказал Хасан, – я подверг себя опасности и пришел сюда и либо умру, либо освобожу тебя от того, что ты терпишь, и мы с тобой и с детьми поедем в мою страну наперекор носу этой развратницы, твоей сестры".

И, услышав его слова, Манар-ас-Сана улыбнулась и Засмеялась и долгое время качала головой и сказала: "Не бывать, душа моя, не бывать, чтобы освободил меня от того, что я терплю, кто-нибудь, кроме великого Аллаха! Спасай же свою душу и уезжай и не ввергай себя в погибель: у нее влачащееся войско, которому никто не в силах противостоять. Но допусти, что ты взял меня и вышел, как ты доберешься до твоей страны и как вырвешься с этих островов и из этих тяжелых, опасных мест? Ты ведь видел на дороге чудеса, диковины, ужасы и бедствия, из которых не вырвется никто из непокорных джиннов. Уходи же скорее, не прибавляй горя к моему горю и заботы к моей заботе и не утверждай, что ты освободишь меня отсюда. Кто приведет меня в твою землю через эти долины и безводные земли и гибельные места?" – "Клянись твоей жизнью, о свет моего глаза, я не выйду отсюда и не уеду иначе как с тобой!" – воскликнул Хасан.

И его жена сказала тогда ему: "О человек, как ты можешь быть властен на такое дело? Какова твоя порода? Ты не знаешь, что говоришь! Даже если бы ты правил джиннами, ифритами, колдунами и племенами и духами, никто не может освободиться из этих мест. Спасайся же сам, пока цел, и оставь меня. Быть может, Аллах свершит после одних дел другие". – "О госпожа красавиц, – отвечал Хасан, – я пришел только для того, чтобы освободить тебя этой палочкой и этим колпаком".

И затем он начал ей рассказывать историю с теми двумя детьми. И когда он говорил, вдруг вошла к ним царица и услышала их разговор. И, увидав царицу, Хасан надел колпак, а царица спросила свою сестру: "О развратница, с кем ты говорила?" – "А кто может со мной говорить, кроме этих детей?" – ответила жена Хасана. И царица взяла бич и начала бить ее (а Хасан стоял и смотрел) и била ее до тех пор, пока она не лишилась чувств. И затем царица приказала перенести ее из этого помещения в другое место, и ее развязали и вынесли в другое место, и Хасан вышел с ними туда, куда ее принесли. И потом ее бросили, покрытую беспомощностью, и стояли, смотря на нее. И Манар-ас-Сана, очнувшись от обморока, произнесла такие стихи:

"Я не мало плакал, когда случилось расстаться нам,

И пролили веки потоки слез от горя.

И поклялся я, что, когда бы время свело нас вновь,

О разлуке вновь поминать не стал бы устами.

Я завистникам говорю: "Умрите от горя вы!"

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Клянусь Аллахом, мечты осуществились!"

Был я полон счастья, и полон так, что оно меня,

Обрадовав, заставило заплакать.

О глаз, стал плач теперь твоей привычкой,

От радости ты плачешь и от горя".

И когда она кончила свои стихи, невольницы вышли от нее, и Хасан снял колпак, и его жена сказала ему: "Смотри, о человек, что меня постигло! Все это потому, что я тебя не послушалась, не исполнила твоего приказанья и вышла без твоего позволения. Заклинаю тебя Аллахом, о человек, не взыщи с меня за мой грех, и знай, что женщина не ведает, какова цена мужчине, пока не расстанется с ним. И я согрешила и ошиблась, но прошу у великого Аллаха прощения за то, что из-за меня случилось. И если Аллах соединит нас, я никогда не ослушаюсь твоего приказа после этого..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот двадцать четвертая ночь

Когда же настала восемьсот двадцать четвертая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что жена Хасана извинилась перед ним и сказала ему: "Не взыщи с меня за мой грех, и я прошу у великого Аллаха прощения". И Хасан отвечал ей (а сердце его из-за нее болело): "Ты не ошиблась, ошибся только я, так как я уехал и оставил тебя с теми, кто не знал твоей цены и достоинства, и Знай, о любимая сердца, плод моей души и свет моего глаза, что Аллах – хвала ему! – дал мне власть тебя освободить. Любо ли тебе, чтобы я доставил тебя в страну твоего отца, и тогда ты получишь подле него сполна то, что определил тебе Аллах, или ты скоро поедешь в нашу страну, раз досталось тебе облегчение?" – "А кто может меня освободить, кроме господ небес? – отвечала его жена. – Уезжай в свою страну и оставь надежду, ты не Знаешь опасностей этих земель, и если ты меня не слушаешься, то увидишь". И потом она произнесла такие стихи:

"Ко мне! У меня все то, что хочешь ты, ты найдешь!"

Чего же ты сердисься, зачем отвернулся ты?

А то, что случилось... Пусть не будет минувшая

Забыта любовь, и дружба пусть не окончится.

Доносчик все время подле нас был, и, увидав,

Что ты отвернулся, он ко мне подошел тотчас,

Но я в твоих добрых мыслях твердо уверена,

Хотя и не знал доносчик гнусный и подстрекал.

Так будем хранить мы тайну нашу, беречь ее,

Хотя бы упреков меч и был обнажен на нас.

Теперь провожу я день в тоске и волнении:

Быть может, придет гонец с прощеньем от тебя".

И потом они с детьми заплакали, и невольницы услышали их плач и вошли и увидели плачущую царевну

Манар-ас-Сана и ее детей, но не увидели с ними Хасана, и заплакали из жалости к ним и стали проклинать царицу Нур-аль-Худа.

А Хасан подождал, пока пришла ночь, и сторожа, приставленные к ним, ушли к месту сна, и поднялся и, затаив пояс, подошел к своей жене и развязал ее и поцеловал в голову и прижал к своей груди и поцеловал между глаз и воскликнул: "Как долго мы тоскуем по нашей родине и по сближению там! А это наше сближение – во сне или наяву?" И затем он понес своего старшего сына, а жена его понесла младшего сына, и они вышли из дворца – Аллах опустил на них свой покров, – и они пошли.

И они достигли выхода из дворца и остановились у ворот, которые запирались перед дворцом царицы, и, оказавшись там, увидели, что ворота заперты. И Хасан воскликнул: "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся!" И они потеряли надежду спастись. И Хасан воскликнул: "О облегчающий горести! – и ударил рукою об руку и сказал: – Я все рассчитал и обдумал последствия всего, кроме этого. Когда взойдет над нами день – нас схватят! Какова же будет хитрость в этом деле?" И потом Хасан произнес такие два стиха:

"Доволен ты днями был, пока хорошо жилось,

И зла не боялся ты, судьбой приносимого,

Храним ты ночами был и дал обмануть себя,

Но часто, коль ночь ясна, приходит смущенье".

Потом Хасан заплакал, и его жена заплакала из-за его плача и унижения и тягот судьбы, ею переносимых, и Хасан обернулся к своей жене и произнес такие два стиха:

"Противится мне судьба, как будто я враг ее,

И горестью каждый день встречает меня она.

Задумаю я добро, – противное рок несет,

И если один день чист, то смутен всегда другой".

И еще он произнес такие два стиха:

"Враждебна ко мне судьба: не знает она, что я

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Превыше напастей всех, а беды – ничтожны.

Показывает судьба беду и вражду ее,

Я ж – стойкость ей показал, какую бывает".

И жена его сказала ему: "Клянусь Аллахом, нет нам освобождения, если мы не убьем себя, и тогда мы отдохнем от этой великой тяготы, а иначе нам придется испытать болезненные мучения". И когда они разговаривали, вдруг сказал из-за ворот говорящий: "Клянусь Аллахом, я не открою тебе, о госпожа моя Манар-ас-Сана, и твоему мужу Хасану, если вы меня не послушаетесь в том, что я вам скажу!" И, услышав эти слова, оба умолкли и хотели вернуться в то место, где были, и вдруг сказал говорящий: "Что это вы замолчали и не даете мне ответа?"

И тогда они узнали, кто говорит, а это была старуха Шавахи Зат-ад-Давахи. И они сказали ей: "Что ты нам ни прикажешь, мы сделаем, но открой сначала ворота, – теперешнее время – не время для разговоров". И старуха воскликнула: "Клянусь Аллахом, я не открою вам, пока вы мне не поклянетесь, что возьмете меня с собою и не оставите меня у этой распутицы. Что постигнет вас, постигнет и меня, и если вы уцелеете, и я уцелею, а если вы погибнете, я погибну – эта трущаяся развратница унижает меня и ежечасно меня мучает из-за вас, а ты, о дочка, знаешь мой сан".

И, узнав старуху, они доверились ей и поклялись ей клятвами, которым она верила, и когда они поклялись ей тем, чему она верила, Шавахи открыла им ворота, и они вышли. И, выйдя, они увидели, что она сидит на румийском кувшине из красной глины, а вокруг горлышка кувшина обвита веревка из пальмового лыка, и кувшин вертится под нею и бежит бегом, более сильным, чем бог неджийского жеребца. И старуха пошла впереди них и сказала: "Следуйте за мной и не бойтесь ничего: я помню сорок способов колдовства, и самым маленьким из этих способов я сделаю этот город ревушим морем, где бьются волны, и заколдую в нем всякую девушку, так что она превратится в рыбу, и все это я сделаю раньше утра. Но я ничего не могла сделать из этого зла, так как боялась даря, ее отца, и уважала ее сестер, которые получают помощь от множества джиннов, племен и слуг. Но я покажу чудеса моего колдовства. Идите же, с благословения Аллаха великого и с его помощью". И тут Хасан с женой обрадовались и убедились в спасении..."

И Шахразуду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот двадцать пятая ночь

Когда же настала восемьсот двадцать пятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Хасан с женой и старухой Шавахи вышли из дворца, они убедились в спасении. И они вышли за город, и Хасан взял в руку палочку и ударил ею об землю и, укрепив свою душу, сказал: "О слуги этих имен, явитесь ко мне и осведомьте меня о ваших обстоятельствах!"

И вдруг земля раздалась, и вышли оттуда семь ифритов, и у каждого из них ноги были в нижних пределах земли, а голова – в облаках. И они поцеловали землю меж рук Хасана три раза и сказали все одним языком: "Мы здесь, о господин наш и правитель над нами. Что ты нам прикажешь? Мы велению твоему послушны и покорны. Если хочешь, мы высушим для тебя моря и перенесем горы с их места". И Хасан обрадовался их словам и быстроте их ответа и, ободрив свое сердце и укрепив свою душу и решимость, сказал им: "Кто вы, как ваше имя, к какому племени вы относитесь, из какого вы рода, какого племени и какой семьи?" И ифриты вторично поцеловали землю и сказали одним языком: "Мы – семь царей, и каждый царь из нас правит семью племенами джиннов, шайтанов и маридов, и мы, семеро царей, правим сорока девятью племенами из всевозможных племен джиннов, шайтанов, маридов, отрядов и духов, летающих и ныряющих, в горах, пустынях и степях обитающих и моря населяющих. Приказывай же нам, что хочешь: мы тебе слуги и рабы, и всякий, кто владеет этой палочкой, владеет шеями нас всех, и мы становимся ему покорны".

И, услышав их слова, Хасан обрадовался великой радостью, и его жена и старуха также, и потом Хасан сказал джиннам: "Я хочу, чтобы вы показали мне ваше племя, войско и помощников". – "О господин наш, – отвечали джинны, – если мы тебе покажем наше племя, то будем бояться за тебя и за тех, кто с тобою, ибо это войска многочисленные, и разнообразен их облик, вид, цвет, и лица, и тела. Среди нас есть головы без тел и тела без голов, и иные из нас имеют вид зверей, а другие – вид львов. Но если ты этого желаешь, мы непременно должны показать тебе сначала тех, у кого облик зверей. Чего же, о господин, хочешь ты от нас теперь?" – "Я хочу, чтобы вы снесли меня и мою жену и эту праведную женщину сию же минуту в город Багдад", – сказал Хасан.

И, услышав его слова, ифриты опустили головы. "Отчего вы не отвечаете?" – спросил их Хасан, и они сказали единым языком: "О господин наш, правящий над нами, мы существуем со времен господина нашего Сулеймана, сына Дауда, – мир с ними обоими! – и он взял с нас клятву, что мы не будем носить никого из сыновей Адама на наших спинах. И с тех пор мы не носили никого из сыновей Адама – ни на спинах, ни на плечах. Но мы сейчас оседлаем тебе коней джиннов, которые доставят в твой город тебя и тех, кто с тобой". – "А какое расстояние между нами и Багдадом?" – спросил Хасан. И ифриты сказали: "Расстояние в семь лет для спешащего всадника".

И Хасан удивился тогда и спросил джиннов: "А как же я пришел сюда меньше, чем в год?" И ифриты ответили: "Аллах вложил сочувствие к тебе в сердца своих праведных рабов. И если бы не это, ты не достиг бы этих стран и городов и никогда не увидел бы их глазом, так как шейх Абд-аль-Каддус, который посадил тебя на слона и посадил тебя на счастливого коня, прошел с тобою в три дня расстояние в три года пути для спешащего в беге всадника. А что до шейха Абу-р-Рувейша, который дал тебя Дахнашу, то он прошел с тобой за день и за ночь расстояние в три года. И было это по благословию Аллаха великого, так как шейх Абу-р-Рувейш из потомков Асафа ибн Барахии, и он держит в памяти величайшее имя Аллаха. А от Багдада до дворца девушек один год; вот и все семь лет".

И, услышав их слова, Хасан удивился великим удивлением и воскликнул: "Хвала Аллаху, который облегчает трудное и скрепляет сломанное, приближает к себе рабов и унижает всякого непокорного притеснителя! Он облегчил нам все трудные дела и привел меня в эти земли и подчинил мне эти существа и соединил меня с женой и детьми. Не знаю я, сплю я или бодрствую, трезв я или пьян!" И затем он обернулся к джиннам и сказал: "Когда вы посадите меня на ваших коней, во сколько дней они доставят нас в Багдад?" И джинны ответили: "Они доставят тебя туда меньше, чем в год, после того как ты вынесешь тяжкие дела, беды и ужасы и пересечешь безводные долины и безлюдные пустыни, и степи и множество гибельных мест, и мы не уверены, о господин, что ты спасешься от жителей этих островов..."

И Шахразуду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот двадцать шестая ночь

Когда же настала восемьсот двадцать шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что джинны говорили Хасану: "И мы не уверены, о господин, что ты спасешься от жителей этих островов, от зла величайшего царя и от этих колдунов и кудесников". – "Может быть, они покорят нас и отнимут вас у нас, и мы будем испытаны ими. И всякий, до кого дойдет потом весть об этом, скажет нам: "Это вы – обидчики! Как вы пошли против величайшего царя и унесли из его страны людей и унесли с собою также его дочь". – "Будь ты с нами один, дело было бы для нас ничтожным, но тот, кто привел тебя на эти острова, может привести тебя в твою страну и соединить тебя с матерью в час близкий, недалекий. Решай же, положишься на Аллаха и не бойся: мы перед тобою, чтобы доставить тебя в твою страну".

И Хасан поблагодарил за это ифритов и сказал им: "Да воздаст вам Аллах благом! – А затем молвил: "Поторопитесь с конями!" И джинны ответили: "Слушаем и повинемся!" И они ударили об землю ногами, и земля раздалась, и джинны скрылись под нею на минуту, а потом они появились и вдруг поднялись. И было с ними три коня оседланных, взнузданных, и спереди каждого седла был мешок, в одном из отделений которого лежал бурдюк с водой, а другое отделение было наполнено припасами. И ифриты подвели лошадей, и Хасан сел на одного коня и посадил перед собой ребенка, и его жена села на другого коня и посадила перед собой другого ребенка, а затем старуха слезла с кувшина и села на третьего коня, и они поехали и ехали не переставая всю ночь.

А когда наступило утро, они свернули с дороги и направились к горе (а языки их неослабно поминали Аллаха) и ехали под горой весь день. И когда они ехали, Хасан вдруг увидел перед собой гору, подобную столбу, и она была высока, как дым, поднимающийся к небу. И

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

он прочитал кое-что из Корана и свитков и воззвал к Аллаху о спасении от сатаны, битого камнями (а эта черная громада становилась все виднее, чем больше к ней приближались).

И когда к ней подъехали близко, оказалось, что это ифрит, голова которого была, как большой купол, клыки – как крючья, а подбородок – как переулочек. Ноздри у него были точно кувшины, а уши – как кожаные щиты, и его рот был точно пещера, а зубы – точно каменные столбы; руки у него были, как вилы, и ноги – как мачты, и голова его была в облаках, а ноги – в нижних пределах земли, под прахом.

И, увидя этого ифрита, Хасан склонился и поцеловал землю меж его рук. И ифрит сказал ему: "О Хасан, не бойся меня! Я глава обитателей этой земли. Это первый остров из островов Вак, и я – мусульманин, исповедующий единственность Аллаха. Я о вас слышал и знал о вашем прибытии. И когда узнал о вашем положении, мне захотелось уехать из страны колдунов в другую землю, которая была бы свободна от жителей и далеко от людей и джиннов, чтобы жить там одиноким, в уединении, и поклоняться Аллаху, пока не настигнет меня мой срок. И захотел я стать вашим товарищем и быть вам проводником, пока вы не выйдете с этих островов. Я не появляюсь иначе как ночью: успокойте же относительно меня ваши сердца – я мусульманин, как и вы мусульмане".

И Хасан, услышав слова ифрита, обрадовался великой радостью и убедился в спасении, а затем он обратился к ифриту и сказал ему: "Да воздаст тебе Аллах благом! Иди с нами, с благословения Аллаха!" И ифрит пошел перед ними, и они стали разговаривать и шутить, и их сердца успокоились, и грудь их расправилась. И Хасан принялся рассказывать своей жене обо всем, что с ним случилось и что он испытал, и они шли не переставая всю ночь..."

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот двадцать седьмая ночь

Когда же настала восемьсот двадцать седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что они шли не переставая всю ночь до утра и кони мчались с ними, как поражающая молния. А когда взошел день, каждый из путников опустил руку в свой мешок и, вынув оттуда кое-что, поел и достал воды и выпил, а затем они ускорили ход и ехали не переставая, и ифрит шел перед ними (а он сошел с дороги на другую дорогу, непроезжую, но берегу реки).

И они проходили через долины и степи в течение целого месяца, а на тридцать первый день поднялась над ними пыль, которая застлала все края неба, и потемнел от нее день. И, увидев ее, Хасан впал в смятение. И слышались устрашающие крики. И старуха обратилась к Хасану и сказала ему: "О дитя мое, это войска с островов Вак догнали нас, и сейчас они нас возьмут и схватят". – "Что мне делать, о матушка?" – спросил Хасан. И старуха сказала: "Ударь об землю палочкой!"

И Хасан сделал это, и поднялись к нему те семь царей и приветствовали его и поцеловали перед ним землю и сказали: "Не бойся и не печалься!" И Хасан обрадовался их словам и сказал им: "Хорошо, о владыки джиннов и ифритов. Настало ваше время!" И ифриты сказали ему: "Поднимись ты, с твоей женой и теми, кто есть с тобой, на гору и оставьте нас с ними. Мы ведь знаем, что вы стоите на истинном, а они – на ложном, и поддержит нас против них Аллах". И Хасан с женой и детьми и старухой сошел со спин коней, и они отпустили их и поднялись на вершину горы..."

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот двадцать восьмая ночь

Когда же настала восемьсот двадцать восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Хасан с женой, детьми и старухой поднялись на вершину горы, отпустив сначала коней. А потом пришла царица Нур-аль-Худа с войсками справа и слева, и обошли воинов их предводители и расставили их отряд за отрядом. И встретились оба войска, и сшиблись оба скопища, и запылали огни, и выступили вперед храбрецы, и побегал трус, и джинны метали изо рта пламя искр, пока не приблизилась темная ночь. И разошлись скопища, и разделились войска, и, сойдя с коней, они расположились на земле и зажгли огни.

И поднялись семь царей к Хасану и поцеловали землю меж его руками, и Хасан подошел к ним и поблагодарил их и пожелал им победы и спросил, каковы их обстоятельства и положение с войсками царицы Нур-аль-Худа. И ифриты ответили: "Они не выстоят против нас больше трех дней, и мы были сегодня победителями и захватили их тысячи с две и убили из них много народу, число которого не счесть. Успокойся же душою, и пусть твоя грудь расправится!"

И потом они попрощались с ним и спустились к своему войску, чтобы охранять его, и жгли огни, пока не наступило утро. И когда оно засияло светом и заблестало, витязи сели на чистокровных коней и стали биться острыми клинками и сражаться серыми копьями. И они провели ночь на спинах коней, сшибаясь, как сшибаются моря, и пылало между ними в бою пламя огня, и искали они победы, пока не побежали войска Вак, и сломилась их мощь, и упала их решимость, и поскользнулись их ноги. И куда они ни бежали, поражение предшествовало им, и повернули они спину и положились на бегство, и большую часть их убили, и попала в плен царица Нураль-Худа и вельможи ее царства и приближенные.

А когда наступило утро, семь царей появились перед Хасаном и поставили ему мраморный престол, украшенный жемчугом и драгоценностями. И Хасан сел на него, и подле него поставили другой престол для госпожи Манар-ас-Сана, его жены (а был этот престол из слоновой кости, выложенный червонным золотом), и она села на него, а рядом с ними поставили еще один престол для старухи Шавахи Зат-ад-Давахи, и она села на него. И за тем привели к Хасану пленных, в числе которых была царица Нур-аль-Худа, и были у нее связаны руки и скованы ноги. И, увидав ее, старуха воскликнула: "Одно тебе воздаяние, о развратница, о насильница: чтобы не давали есть двум собакам и не давали пить двум коням и привязали тебя к их хвостам и погнали их к реке, а собак пустили вслед за тобою, чтобы разорвалась у тебя кожа, а потом бы отрезали у тебя мясо и кормили тебя им! Как это ты сделала с твоей сестрой такие дела, о развратница, хотя она вышла замуж, как дозволено по обычаю Аллаха и посланника его, ибо нет монашества в исламе и брак – установление посланных – мир с ними! и созданы женщины только для мужчин".

И Хасан велел убить всех пленных, и старуха закричала: "Убейте их и не оставляйте из них ни одного!" И когда царица Манар-ас-Сана увидела свою сестру в таком положении – закованной и плененной, она заплакала о ней и сказала: "О сестрица, кто же это взял нас в плен в нашей стране и одолел нас?" И царица ответила: "Это дело великое! Этот человек, которого зовут Хасан, покорил нас, и Аллах дал ему власть над нами и над всем нашим царством, и он одолел нас и царей джиннов". – "Аллах поддержал его, и он покорил вас и взял вас в плен только с помощью этого колпака и палочки", – сказала ее сестра. И Нур-аль-Худа убедилась в этом и поняла, что Хасан освободил свою жену таким способом.

И она умоляла свою сестру, пока ее сердце к ней не смягчилось, и тогда Манар-ас-Сана спросила своего мужа Хасана: "Что ты хочешь сделать с моей сестрой? Вот она, перед тобою, и она не сделала с тобой дурного, чтобы тебе с нее взыскивать". – "Достаточно дурно, что она тебя мучила", – ответил Хасан. И Манар-ас-Сана молвила: "Все дурное, что она со мной сделала, ей простительно, а что до тебя, то ты сжег сердце моего отца моим похищением, и каково же будет его состояние после гибели моей сестры?" – "Решение принадлежит тебе – как желаешь, так и делай", – сказал Хасан.

И тогда царица Манар-ас-Сана приказала развязать всех пленных, и их развязали ради ее сестры и сестру ее тоже развязали. И потом Манар-ас-Сана подошла к своей сестре и обняла ее, и они с ней заплакали и пропели таким образом долгое время. И царица Нур-аль-Худа сказала своей сестре: "О сестрица, не взыщи с меня за то, что я с тобой сделала". И госпожа Манар-ас-Сана воскликнула: "О сестрица, все это было мне предопределено!" И потом они с сестрой сели на престол и стали беседовать, и Манар-ас-Сана помирила сестру со старухой самым лучшим образом, и успокоились их сердца.

А утром Хасан отпустил войска, которые служили палочке, и поблагодарил их за то, что они сделали, поддержав его против его врагов. И

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

госпожа Манар-ас-Сана рассказала своей сестре обо всем, что случилось у нее с ее мужем Хасаном, и о том, что с ним произошло и что он вытерпел ради нее, и сказала: "О сестрица, если кто свершил такие дела и обладает подобной силой, и Аллах укрепил его великою мощью, так что он захватил тебя и взял тебя в плен и разбил твое войско и покорил твоего отца, царя величайшего, который властвует над царями джиннов, его правом не следует пренебрегать". – "Клянусь Аллахом, о сестрица, – сказала ее сестра, – ты была правдива в том, что мне рассказала о диковинных бедствиях, которые пришлось вытерпеть этому человеку. Разве все это из-за тебя, о сестрица?.."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот двадцать девятая ночь

Когда же настала восемьсот двадцать девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда госпожа Манар-ас-Сана рассказала своей сестре о достоинствах Хасана, та сказала ей: "Клянусь Аллахом, этим человеком не следует пренебрегать, особенно из-за его благородства. Но разве все это случилось из-за тебя?" И Манар-ас-Сана отвечала: "Да!" И затем они провели ночь до утра за беседой.

А когда взошло солнце, Хасан захотел трогаться, и они простились друг с другом, и Манар-ас-Сана простилась со старухой, после того как помирила ее со своей сестрой Нур-аль-Худа. И Хасан ударил по земле палочкой, и поднялись к нему ее служители и приветствовали его и сказали: "Хвала Аллаху за успокоение твоей души! Приказывай нам что хочешь, и мы это для тебя сделаем скорее, чем в мгновение ока!" И Хасан поблагодарил их за эти слова и сказал: "Да воздаст вам Аллах благом! – А потом сказал: Оседлайте нам двух коней из наилучших!"

И они тотчас же сделали то, что он им приказал, и подвели ему двух оседланных коней. И Хасан сел на одного из них и посадил перед собой своего старшего сына, а его жена села на другого коня и посадила перед собой своего младшего сына. И царица Нур-аль-Худа со старухой тоже сели, и каждый из них отправился в свою страну, и Хасан со своей женой поехали направо, а царица Нур-аль-Худа со старухой поехали налево. И Хасан ехал с женой и детьми целый месяц, а через месяц они подъехали к какому-то городу, вокруг которого они увидели деревья и каналы. И, приблизившись к этим деревьям, они сошли со спины коней, желая отдохнуть, и сидели, разговаривая.

И вдруг увидели множество коней, которые приближались к ним, и, увидев их, Хасан поднялся на ноги и шел им навстречу, и оказалось, что это царь Хассун, владыка Камфарной Земли и Крепости Птиц. И Хасан подошел к царю и поцеловал ему руки и приветствовал его, и, увидев его, царь сошел со спины своего коня, и они с Хасаном сели на коврах под деревьями после того, как царь поздоровался с Хасаном и поздравил его с благополучием. Он обрадовался ему сильной радостью и сказал: "О Хасан, расскажи мне, что с тобой случилось, с начала до конца".

И Хасан рассказал ему обо всем этом, и царь Хассун удивился и сказал: "О дитя мое, никто никогда не достигал островов Вак и не возвращался оттуда, кроме тебя, и дело твое диковинно. Но хвала Аллаху за спасение!" И потом царь поднялся и сел на коня и приказал Хасану садиться и ехать с ним, и Хасан сделал это, и они ехали до тех пор, пока не подъехали к городу. И они вошли в дом царя, и царь Хассун расположился там, а Хасан с женой и детьми поместились в Доме Гостеприимства и, поселившись там, провели у царя три дня за едой и питьем, играми и увеселениями. А потом Хасан попросил у царя Хассуна разрешения уехать в свою страну, и царь разрешил ему. И Хасан с женой и детьми сели на коней, и царь толю выехал с ними, и они ехали десять дней, а когда царь захотел вернуться, он попрощался с Хасаном, и Хасан с женой и детьми поехали, и ехали целый месяц.

А когда месяц прошел, они подъехали к большой пещере, пол которой был из желтой меди, и Хасан сказал своей жене: "Взгляни на эту пещеру, знаешь ли ты ее?" – "Нет", – сказала его жена. И Хасан молвил: "В ней живет шейх по имени Абу-р-Рувейш, и у него передо мной большая заслуга, так как это он был причиной моего знакомства с царем Хассуном". И он начал рассказывать своей жене историю Абу-р-Рувейша. И вдруг шейх Абу-р-Рувейш вышел из дверей пещеры, и, увидев его, Хасан сошел с коня и поцеловал ему руки. И шейх Абу-р-Рувейш поздоровался с ним и поздравил его с благополучием и обрадовался ему и взял его и ввел в пещеру, и они сели там, и Хасан стал рассказывать шейху Абу-р-Рувейшу о том, что случилось с ним на островах Вак. И шейх Абу-р-Рувейш удивился до крайней степени и спросил: "О Хасан, как ты освободил твою жену и детей?" И Хасан рассказал ему историю с палочкой и колпаком, и, услышав эту историю, шейх Абу-р-Рувейш удивился и сказал: "О Хасан, о дитя мое, если бы не эта палочка и не этот колпак, ты бы не освободил твою жену и детей". И Хасан отвечал ему: "Да, о господин мой".

И когда они разговаривали, вдруг кто-то постучался в дверь пещеры, и шейх Абу-р-Рувейш вышел и открыл дверь и увидел, что приехал шейх Абд-аль-Каддус, который сидел на слоне. И шейх Абу-р-Рувейш подошел и приветствовал Абд-аль-Каддуса и обнял его, радуясь ему великою радостью, и поздравил его с благополучием. А потом шейх Абу-р-Рувейш сказал Хасану: "Расскажи шейху Абд-аль-Каддусу обо всем, что с тобой случилось, о Хасан". И Хасан принялся рассказывать шейху Абдаль-Каддусу обо всем, что с ним случилось, с начала до конца, и дошел до рассказа про палочку и колпак..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до восьмисот тридцати

Когда же настала ночь, дополняющая до восьмисот тридцати, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Хасан начал рассказывать шейху Абд-аль-Каддусу и шейху Абу-р-Рувейшу (а они сидели в пещере и разговаривали) обо всем, что с ним случилось, от начала до конца, и дошел до рассказа про палочку и колпак, и шейх Абд-аль-Каддус сказал ему: "О дитя мое, что до тебя, то ты освободил твою жену и детей, и тебе больше нет нужды в этих вещах. Что же касается нас, то мы были причиной твоего прихода на острова Вак, и я сделал тебе благое ради дочерей моего брата. Я прошу у тебя милости и благодеяния: дай мне палочку и дай шейху Абу-р-Рувейшу колпак".

И, услышав слова шейха Абд-аль-Каддуса, Хасан склонил голову к земле, и ему было стыдно сказать: "Я не дам их вам". И затем он подумал: "Эти два старца сделали мне великое благо, и это они были причиной моего прихода на острова Вак. Если бы не они, я бы не достиг этих мест и не освободил бы жены и детей и не получил бы палочки и колпака". И тогда он поднял голову и сказал: "Хорошо, я вам их дам, но только, господа мои, я боюсь, что величайший царь, родитель моей жены, придет в наши страны с войсками, и они начнут со мной сражаться, а я не могу отразить их ничем, кроме палочки и колпака". И шейх Абд-аль-Каддус сказал Хасану: "О дитя мое, не бойся! Мы будем здесь для тебя соглядателями и разведчиками, и всякого, кто придет к тебе от отца твоей жены, мы отразим! Не бойся же совсем ничего, вообще и совершенно, успокой душу, прохладя глаза и расправь грудь: с тобой не будет дурного".

И когда Хасан услышал слова шейха, его охватил стыд, и он отдал колпак шейху Абу-р-Рувейшу и сказал шейху Абд-аль-Каддусу: "Проводи меня в мою страну, и я отдам тебе палочку". И оба шейха обрадовались сильной радостью и собрали Хасану деньги и сокровища, перед которыми бессильны описания, и Хасан провел у них три дня и потом захотел уезжать. И шейх Абд-аль-Каддус собрался ехать с ним, когда Хасан сел на коня и посадил на коня свою жену, шейх Абд-аль-Каддус свистнул, и вдруг явился из глубины пустыни большой слон, торопливо переставлявший передние и задние ноги. И шейх Абд-аль-Каддус схватил его и сел на него и поехал с Хасаном, его женой и детьми, а что касается шейха Абу-р-Рувейша, то он вошел в пещеру. И Хасан с женой, детьми и шейхом Абд-аль-Каддусом ехали, пересекая землю вдоль и вширь, и шейх Абд-аль-Каддус указывал им легкую дорогу и ближние проходы, и они приблизились к родной земле.

И Хасан обрадовался приближению к земле его матери и возвращению с его женой и детьми, и, достигнув своей земли после этих тяжких ужасов, он прославил за это великого Аллаха и возблагодарил его за благодеяние и милость и произнес такие стихи:

"Быть может, нас сведет Аллах уж скоро,

И будем обниматься мы с тобою.

О гамом дивном вам расскажу, что было

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И что я вынес, мучаясь разлукою.

Я исцелю глаза, на вас взирая,

Поистине, дута моя тоскует,

В душе моей для вас рассказ я спрятал,

Чтоб рассказать его в день встречи с вами.

Я буду вас корить за то, что было,

Укоры кончатся, любовь продлится".

А когда Хасан окончил свои стихи, он посмотрел, и вдруг блеснул перед ним зеленый купол и бассейн и зеленый дворец, и показалась вдали Гора Облаков. И тогда шейх Абд-аль-Каддус сказал им: "О Хасан, радуйся благу! Ты сегодня ночью будешь гостем у дочери моего брата". И Хасан обрадовался великой радостью, и его жена тоже, и они остановились возле купола и отдохнули, попили и поели и потом сели и ехали, пока не приблизились ко дворцу. И когда они подъехали, к ним вышли дочери царя, брата шейха Абд-аль-Каддуса, и встретили их и поздоровались с ними и со своим дядей, и дядя их поздоровался с ними и сказал: "О дочери моего брата, вот я исполнил желание вашего брата Хасана и помог ему освободить его жену и детей!"

И девушки подошли к Хасану и обняли его, радуясь ему, и поздравили его со здоровьем и благополучием и соединением с женой и детьми, и был у них день праздничный. А потом подошла младшая сестра Хасана и обняла его и заплакала сильным плачем, и Хасан тоже заплакал с нею из-за долгой тоски. И девушка пожаловалась ему, какую она испытывает боль из-за разлуки и утомления души, и что она испытала в разлуке с ним, и произнесла такие два стиха:

"Когда удалился ты, смотрел на других мой глаз,

Но образ твой перед ним покачивался всегда.

Когда же смежался он, являлся ты мне во сне,

Как будто меж веками и глазом живешь ты, друг".

А окончив свои стихи, она обрадовалась сильной радостью, и Хасан сказал ей: "О сестрица, я никого не благодарю в этом деле, кроме тебя, прежде всех сестер! Аллах великий да будет близок к тебе с его помощью и промыслом". И потом он рассказал ей обо всем, что с ним случилось во время путешествия, с начала до конца, и что он вытерпел, и что произошло у него с сестрою его жены, и как он освободил жену и детей, и рассказал ей также, какие он видел чудеса и тяжкие ужасы, вплоть до того, что сестра его жены хотела зарезать его и зарезать ее и зарезать ее детей, и не спас их никто, кроме Аллаха великого. А затем он рассказал ей историю с палочкой и колпаком и рассказал о том, что шейх Абу-рРувейш и шейх Абд-аль-Каддус попросили их у него, и он отдал их им только ради нее. И сестра Хасана поблагодарила его за это и пожелала ему долгого века, а он сказал: "Клянусь Аллахом, я не забуду всего того добра, которое ты мне сделала с начала дела и до конца..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот тридцать первая ночь

Когда же настала восемьсот тридцать первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Хасан встретился с девушками, он рассказал своей сестре обо всем, что он вытерпел, и сказал: "Я не забуду того, что ты со мной сделала от начала времени и до конца". И его сестра обернулась к его жене Манар-асСана и обняла ее и прижала ее детей к груди и сказала ей: "О дочь царя величайшего, разве нет в твоём сердце жалости, что ты разлучила его с детьми и сожгла из-за них его сердце? Разве ты хотела, делая это, чтоб он умер?" И Манар-ас-Сана засмеялась и сказала: "Так судил Аллах, – хвала ему и величие! – и кто обманывает людей, того обманет Аллах!" И затем им принесли коекакой еды и питья, и все вместе поели, попили и повеселились.

И Хасан провел у девушек десять дней за едой и питьем, в радости и счастии, а после десяти дней Хасан стал собираться в путь, и его сестра собрала ему деньги и редкости, для которых бессильны описания. И она прижала его к груди на прощанье и обняла его, и Хасан" указывая на нее, произнес такие стихи:

"Влюбленного забвение отдаленно,

Разлука же с возлюбленным так ужасна.

Суровость, отдаленье – для нас мука.

Тот мученик, убит кто был своей страстью.

Сколь долгой ночь влюбленному кажется,

Оставил что любимого и один он!

Ток слезы его вдоль щек его катится,

И молвит он: "О слезы, можно ль прибавить?"

А потом Хасан дал шейху Абд-аль-Каддусу палочку, и тот обрадовался ей сильной радостью и поблагодарил за это Хасана. И, взяв от него палочку, он поехал и вернулся в свое жилище. А Хасан с женой и детьми выехал из дворца девушек, и те вышли, чтобы проститься с ним, и потом вернулись, а Хасан отправился в свою страну. И он ехал пустыней степью два месяца и десять дней и достиг города Багдада. Обитатели Мира, и пришел к своему дому через потайную дверь, которая открывалась в сторону пустыни и равнины, и постучал в ворота. А его мать от долгого его отсутствия рассталась со сном и не оставляла грусти, плача так, что заболела и перестала есть пищу. И она не наслаждалась сном, а плакала ночью и днем, неустанно поминая своего сына, и потеряла она надежду на возвращение его.

И когда Хасан остановился у ворот, он услышал, что его мать плачет и говорит такие стихи:

"Аллахом молю, владыки, хворого исцелить,

Чье тело худеет так, а сердце разбито.

Коль близость дадите вы по щедрости вашей к нам,

Влюбленного милостью любимых зальете.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Но я не отчаялась в сближенье, – могуч Аллах,

И часто за трудностью идет облегченье".

А окончив свои стихи, она услышала, что сын ее Хасан кричит у ворот: "О матушка, дни даровали единение!" И, услышав его слова, она узнала его и подошла к воротам и веря и не веря. И она открыла ворота и увидела, что ее сын стоит, и с ним его жена и дети, и вскрикнула от сильной радости и упала на землю, покрытая беспмятством. И Хасан до тех пор ласкал ее, пока она не очнулась. И тогда она обняла его и заплакала, а потом она позвала слуг и рабов Хасана и приказала им внести в дом все, что с ним было, и они внесли тюки в дом. И вошла жена Хасана и его дети, и мать его поднялась и обняла ее и поцеловала ее в голову и поцеловала ей ноги и сказала: "О дочь царя величайшего, если я ошиблась по отношению к тебе, то вот я прошу прощенья у великого Аллаха!" А потом она обратилась к своему сыну и спросила его: "О дитя мое, в чем причина этой долгой отлучки?"

И когда мать спросила его об этом, Хасан рассказал ей обо всем, что с ним случилось, с начала до конца, и, услышав его слова, она закричала великим криком и упала на землю без памяти из-за упоминания о том, что случилось с ее сыном. И Хасан до тех пор ласкал ее, пока она не очнулась, и тогда она сказала ему: "О дитя мое, клянусь Аллахом, ты напрасно пренебрег палочкой и колпаком. Если бы ты их сохранил и оставил себе, ты, право, овладел бы землей и вдоль и вширь, но хвала Аллаху, о дитя мое, за спасение твое и твоей жены и детей!"

И они провели наилучшую и приятнейшую ночь, а когда наступило утро, Хасан переменял бывшие на нем одежды и надел платье из наилучшей материи, и вышел на рынок, и стал покупать рабов, невольниц, материи и дорогие вещи – платья, украшения и ковры, а также дорогую посуду, какой не найти у царей. И еще он купил дома, и сады, и имения, и прочее, и жил с детьми, женой и матерью за едой, питьем и наслаждениями. И они жили прекраснейшей и приятнейшей жизнью, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний. Хвала же да будет властителю видимого и невидимого царства, живому, вечному, который не умирает.